

АНГЛИЦКИЕ МАНЕРЫ НА РУССКИЙ ЛАД

АВТОРЫ: Елена САВИНОВА, Галина УЛЬЯНОВА

Земли Звенигородского уезда всегда славилась своей живописностью. С постройкой железных дорог в конце XIX века подмосковные местности стали делить по-новому. Так появилось Рижское направление, то есть земли вдоль Московско-Виндавской (теперь Рижской) железной дороги. Тут имеются архитектурные достопримечательности – Архангельское, Николо-Урюпино, Новый Иерусалим и Покровское-Рубцово.

Село Рубцово было известно с XVI века. В конце XVII века его владельцами стали Нащокины, по заказу одного из них — Николая Михайловича — в 1745–1748 годах была построена церковь Покрова Богородицы, после чего к названию села прибавилось звучное имя — Покровское. Вскоре рядом с селом возникла усадьба.

От Нащокиных имение перешло в собственность Голохвастовых и Змеевых, а в 1786 году целиком попало в руки Павла Ивановича Голохвастова, который был «угрюмый, скупой, но чрезвычайно честный и деловой человек», «старинный столбовой и очень богатый русский барин». Дворянский род Голохвастовых,

несмотря на комичность фамильного имени (слово «голохваст» означает бахвала, хвастуна, пускающего пыль в глаза), был известен с XIV века, по преданию, происходил из Литвы и дал России немало ярких личностей — государственных людей и писателей.

Павел Иванович Голохвастов благоустроил усадьбу. Когда он в 1822 году умер, его сын Дмитрий Павлович унаследовал Покровское с окрестными деревнями и 254 крестьянскими душами. Площадь имения была серьезной — 660 десятин (по-современному 600 га). Дмитрий Павлович Голохвастов имел представительную наружность, по словам его кузена Александра Герцена,

Про огромный угловой диван в гостиной А. П. Чехов говорил: «Если бы у меня был такой диван, я бы сидел на нем целый день и думал»

он был «блондин с британски-рыжеватым оттенком, со светло-серыми глазами, которые он любил щурить и которые говорили о невозмущаемом штиле души». Человек он был, с одной стороны, острый умом, интеллектual — начал государственную службу в Коллегии иностранных дел и закончил на высоком посту попечителя Московского учебного округа. С другой стороны, сочинял исторические опусы да баловался критическими статьями в свободное от службы время. Фантазия его, стало быть, была развита.

Этот «фантазийный» настрой сказался на судьбе имения. Д. П. Голохвастов как-то поехал за границу, посетил Лондон и Париж. Его наблюдения за европейской жизнью привели к мысли, что российское житье-бытье неплохо бы окультурить и подтянуть к цивилизованным стандартам. Деньги у Голохвастова имелись, и он начал техническую революцию со своей усадьбы.

Современник писал, что Д. П. Голохвастов вернулся из-за границы, «вооруженный планами девонширских ферм и корнвельского конского завода (английские графства Девоншир и Корнуолл

славлись образцовой постановкой агрикультуры — *Прим. авторов*), в сопровождении английского берейтора и двух огромных ньюфаундлендов. Морем плыли сеяльные и веяльные машины, необыкновенные плуги и модели всяких агрономических затей». Короче, хозяйство в Покровском-Рубцове перевели на заграничный лад — владелец показывал гостям поля, засеянные клевером, конский завод, сельскохозяйственные машины и водоподъемник на пруду. Соседи дивились, делали из посещения Покровского-Рубцова своеобразный аттракцион, но следовать примеру Голохвастова не спешили.

Англомания Голохвастова получила наивысший градус в обожании племенного скакуна по прозвищу Бычок — «первейшего рысака по бегу, красоте, мышцам и копытам не только Москвы, но и всей России». Он обожал Бычка наравне со своими детьми. Дмитрий Павлович украсил домашний кабинет портретами Бычка, писанных маслом и акварелью.

После смерти Дмитрия Павловича усадьбой 40 лет владел его сын Дмитрий — уездный предводитель дво-

Дети Морозовых в Покровском-Рубцове

Гости жили в Покровском, ничуть не стесняя хозяев. Шехтель спроектировал расположение комнат так, что дом делился на светскую часть и семейную половину. В парадной гостиной каждый предмет являлся произведением искусства – его местоположение определялось архитектурным проектом. В домашней части дома царила патриархальная обстановка, свойственная быту купеческой семьи: скромная столовая, кабинет хозяйина, спальня хозяйки с будуаром и туалетной комнатой, детские. На стенах – иконы, на небольших столиках у кроватей – семейные фотографии. И везде – живые цветы

рянства. В имении велось хозяйственное строительство. А после его смерти в 1890 году усадьба стала хиреть. В 1891 году управляющий предлагал купить ее под психиатрическую больницу Московскому губернскому земству. Земство не могло решиться на покупку.

И тогда, в 1892 году, нашлась покупательница весьма волевая. Ею стала московская миллионерша Зинаида Григорьевна Морозова, муж которой, Савва Морозов, прославился необычным поведением на всю Москву. Чего стоила только женитьба Саввы — он увел 18-летнюю Зинаиду у собственного двоюродного племянника, добился развода и заставил всех родственников считаться со своим выбором.

В год покупки Покровского Зинаиде исполнилось 25 лет, у нее было двое малышей — сын Тимофей трех с половиной лет и двухгодовалая дочка Маша. Молодая чета владела дачей в Киржаче, неподалеку от их орехово-зуевских фабрик, но она не устраивала Зинаиду из-за удаленности и сырого климата (болели дети). А поскольку в 1890-х годах продажа «оскудевающими» дворянами подмосковных имений приняла массовый ха-

рактер, Зинаида стала присматривать что-то подходящее.

Этим подходящим стало Покровское-Рубцово. Зинаида купила не все 600 га, а только территорию усадьбы — 47 га без угодий. Это было и экономичнее, и бесхлопотнее — усадьба предназначалась для отдыха семьи. Морозова, обладая художественной и романтической натурой, мечтала о «дворянском гнезде», где могли бы собираться художники и литераторы.

Продав угодья и оставив себе только усадебную часть прежнего поместья (литературоведы считают, что именно наблюдения за покупкой Покровского-Рубцова вдохновили Чехова на создание «Вишневого сада»), Зинаида взялась за реконструкцию двухэтажного усадебного дома, выстроенного еще в конце XVIII века. Бережно сохранив фасад с четырехколонным портиком, Зинаида решила сделать «начинку» с учетом новейших требований техники и дизайна.

Воплотить в жизнь идеи богатой заказчицы в 1900 году был приглашен Франц Осипович Шехтель, который был к тому времени своим человеком в семье Морозовых — он делал проект их го-

Парадная гостиная.
Начало 1900-х годов

Для Шехтеля, который тщательно продумывал каждую деталь интерьера, витражи стали возможностью создать иллюзию хрупкой преграды между внешним миром и пространством дома

тического особняка на Спиридоновке, работал по заказам председателя Нижегородского ярмарочного комитета Саввы Тимофеевича Морозова на стройке павильонов в Нижнем.

Сближало их и то, что и Шехтель и Морозовы принадлежали к одному поколению и трепетно относились к английской культуре. Савва Морозов стал англоманом после поездки в Англию в 1887 году, когда он побывал в Манчестере и Кембридже, где изучал новые текстильные технологии производства. Вернувшись в Россию, Савва увлекся английской литературой — романы Вальтера Скотта читал в оригинале.

Не трогая архитектурный ансамбль и вековой парк, Зинаида Морозова поставила перед архитектором задачу спроектировать новые интерьеры. Сам

Шехтель путешествовал по Европе, знал языки, имел богатейшую библиотеку, откуда черпал много идей. Во вкусах московских купцов он подметил и поддерживал одну тенденцию: «Им нравилось, надев западноевропейский смокинг, подниматься по широкой парадной лестнице из темного дуба готического вестибюля, скопированного (в уменьшенном размере) с Виндзорского замка». Простор для творчества Шехтелю давало и то, что заказчики его не имели стеснения в средствах — строительные работы, особенно отделочные, выполнялись первоклассными мастерами.

В 1900 году проект перестройки Покровского-Рубцова был утвержден, и работы пошли полным ходом. Шехтелю пришлось сохранить принцип классической дворянской усадь-

Покровское-Рубцово было не просто усадьбой в английском стиле, а уютным загородным домом, в котором предполагалась насыщенная духовная жизнь и каждому находилось место для семейного отдыха и уединения

В витражах воплотились принципы модерна – сочетание полезного и прекрасного. Цветные стекла создавали яркие пятна, меняющиеся в течение дня, – каждый раз комната выглядела иначе

бы — афиладность комнат. Но, следуя канонам модерна, он проектировал каждую комнату как отдельный мир, где все было подчинено законам красоты. Очевидно, Морозова принимала живейшее участие в творческом процессе. К этому времени она обрела жизненный опыт и превратилась в светскую даму.

Для нее Шехтель создал не просто усадьбу в английском стиле, а уютный жилой загородный дом, в котором предполагалась насыщенная духовная жизнь, где росли и воспитывались дети, но каждому находилось место для отдыха и уединения.

Войдя в дом, посетитель оказывался в холле, куда свет попадал через окна, заключенные в витражи с изображением диковинных цветов. Стилизованный цветочный орнамент обрамлял оконные проемы. Извилистые линии, как цветочные стебли и листья, переплетали перила деревянной лестницы. Светильники на лестнице представляли с ней единую композицию. По моде того времени были установлены живые пальмы в кадках. В холле стояло множество низких диванов. В центре — декоративный камин с майоликовыми вставками. На темном

комоде — резная фигурка орла — излюбленный Шехтелем готический мотив. Поднявшись по лестнице в парадную гостиную, гость вновь попадал в романтическую атмосферу. Витражные окна создавали волнующие цветные полутени, навевая поэтические образы.

Для Шехтеля, который тщательно продумывал каждую деталь интерьера, витражи стали возможностью создать иллюзию хрупкой преграды между внешним миром и пространством дома. В витражах воплотились принципы модерна — сочетание полезного и прекрасного, функциональности и эмоциональности. Цветные стекла создавали в гостиной яркие пятна, меняющиеся в течение дня, — каждый раз комната выглядела иначе. Световые блики преломлялись в извилистых линиях потолка.

Растительные орнаменты повторялись на изразцах двух каминов, украшавших гостиную. Угловые низкие диваны с наддиванными полками, на которых стояли майоликовые вазы и фотографии в резных деревянных рамках, располагались в разных частях гостиной, создавая «зоны общения». Огромный ковер с растительным

Спальня хозяйки
Зинаиды Морозовой

«Московским купцам нравилось, надев западноевропейский смокинг, подниматься по широкой парадной лестнице из темного дуба готического вестибюля, скопированного с Виндзорского замка»

узором спускался по стене от потолка до пола, захватывая низкий диван без спинки. Каждый предмет представлял собой часть единой композиции.

С балкона можно было увидеть уходящую вдаль дорогу. Перед домом росли розы. Извилистые дорожки спускались вниз с холма, огибая посадки жасмина и сирени. Позади дома начинался регулярный парк с тенистыми липовыми аллеями, озером. На станцию надо было ездить две версты в Новоиерусалим. Там получали почту, закупами продукты.

Зинаида Морозова обожала Покровское-Рубцово, ставшее местом ее молодости, страстной супружеской любви, рождения детей. Здесь же она пыталась спрятаться от душевной тоски, когда счастье стало призрачным и зыбким. Увлечись Художественным теат-

ром, а затем его примой — актрисой Андреевой, Савва Морозов все меньше времени проводил дома с семьей. Даже рождение маленького Саввушки не возвратило благополучия в семью. Семейное равновесие окончательно рухнуло в 1905 году, когда Савву нашли мертвым в отеле в Каннах, куда Зинаида увезла его лечить от депрессии.

Причина смерти Саввы Морозова осталась тайной. Следствие не смогло установить, покончил ли он жизнь самоубийством или был убит: некоторые улики указывали на то, что Морозова по политическим мотивам застрелили соотечественники. Вернувшись из Франции, Зинаида Григорьевна приезжала в Покровское с детьми, но опустевшая без хозяина усадьба больше не приносила радости. ❏

